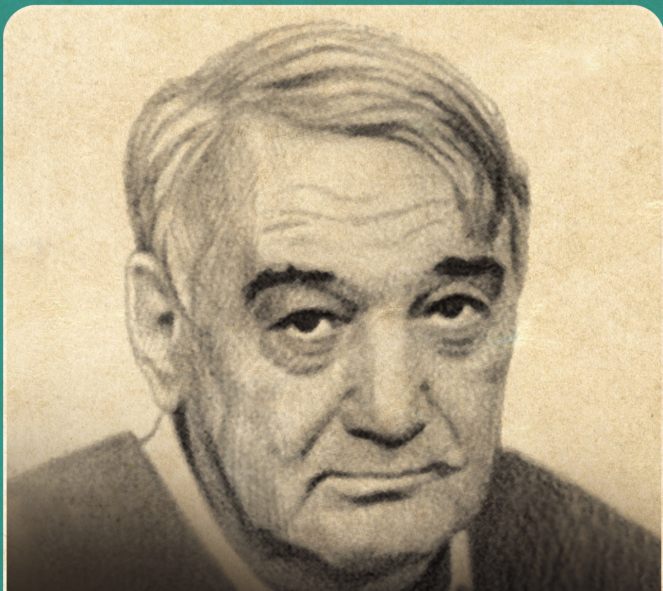

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

*Русских (как, впрочем,
и остальное население России)
следует считать не европейцами
или азиатами, а евразийцами.*

Л. Гумилев

Я Родину люблю

Лев Гумилев

в воспоминаниях современников

Коллектив авторов
Сергей Алдонин
Я Родину люблю. Лев Гумилев в
воспоминаниях современников
Серия «Культурный слой»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69252343
С. Алдонин. Я Родину люблю. Лев Гумилев в воспоминаниях
современников: ООО «Издательство Родина»; Москва; 2022
ISBN 978-5-00180-892-3

Аннотация

Льву Гумилеву удалось создать целый мир в исторической науке. Его идеи и открытия поменяли наше представления о мире. Гумилевские наработки, посвященные пассионарности и истории евразийского пространства, с годами становятся только актуальнее. В этой книге представлены не только воспоминания об историке, но и документы, выступления оппонентов и соратников Гумилева. Книга, посвященная одному из самых ярких умов XX века, приоткрывает тайны творческой мастерской Льва Гумилева.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Властитель дум	5
Чего стоит мудрость	18
«О людях, на нас непохожих»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сергей Алдонин
Я Родину люблю. Лев
Гумилев в воспоминаниях
современников

© ООО «Алисторус», 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

* * *

Властитель дум

*У него все время было стремление работать,
работать, работать.*

Наталья Викторовна Гумилева

Мало кого из ученых-гуманитариев признают столпами науки XX века. Все-таки это было время великих достижений физики, время воплощения технических чудес. Лев Николаевич Гумилев и в этом смысле – исключение из правил. Его влияние на умы, не иссякающее (и даже растущее) после смерти историка, несомненно.

Анна Ахматова и Николай Гумилев с сыном Львом

Он создал свой мир в исторической науке, свою концепцию развития истории – с учетом географических, этнографических знаний, с применением методологии других наук. Это дорогого стоит. Сам Лев Николаевич так – несколько романтично – рассказывал об этом открытии: «Сидя в камере, я увидел, как луч света падает из окна на цементный пол. И тогда я сообразил, что пассионарность – это энергия, такая же, как та, которую впитывают растения». Сегодня этот

термин вошел не только в научную литературу, но и в житейский обиход.

Сын двух выдающихся поэтов, Анны Ахматовой и Николая Гумилева, он впитал и сложность их взаимоотношений, и нестандартность мышления. Его и воспитывали как будущего гения. Далеко не всегда такое воспитание дает блестящие результаты, но в этом случае снова можно говорить о загадочном и неповторимом феномене.

В 1908 году, задолго до рождения сына, Николай Гумилев написал стихотворение «Рождение льва» – в присущем ему в то время экзотическом стиле:

Жрец решил. Народ, согласный
С ним, зарезал мать мою:
Лев пустынный, бог прекрасный,
Ждет меня в степном раю.

Мне не страшно, я ли скроюсь
От грозящего врага?
Я надела алый пояс,
Янтари и жемчуга.

Вот в пустыне я и кличу:
«Солнце-зверь, я заждалась,
Приходи терзать добычу
Человеческую, князь!

Дай мне вздрогнуть в тяжких лапах,

Пасть и не подняться вновь,
Дай услышать страшный запах,
Темный, пьяный, как любовь».

Как куренья, пахнут травы,
Как невеста, я тиха,
Надо мною взор кровавый
Золотого жениха.

Конечно, имя, выбранное для первенца, было неслучайным. Для его это много значило – Лев. Царское африканское имя. Его детство никогда не было безоблачным. Родители видели сына урывками. Ни богемная, ни офицерская жизнь к семейной идиллии не располагает.

Но и короткие встречи с отцом направляли Льва Николаевича на поиски своего пути в творчестве. «Один раз он занимался со мной, рассказывая мне, что такое стихи и как я должен изучать историю; велел дать мне книжку о завоевании готами Италии и победе византийцев над готами, которую я потом внимательно прочитал. И я помню только, что бабушка моя, Анна Ивановна, говорила: «Коля, зачем ты даешь ребенку такие сложные книги?» А он говорил: «Ничего, он поймет». Я не только понял, но и запомнил все до сего времени», – вспоминал историк об отце.

Поэт рисовал для сына картинки – например, «Подвиги Геракла» и делал к ним литературные подписи. Скажем, «Геракл, сражающийся с немейским львом» и подпись была та-

кая:

От ужаса вода иссякла
В расщелинах Лазурских скал,
Когда под палицей Геракла
Окровавленный лев упал.

Второе – «Бой Геракла с гидрой»:
Уже у гидры семиголовой
Одна скатилась голова,
И наступает Геракл суровый
Весь золотой под шкурой льва.

Замечательное воспитание, замечательные стихи. Что и говорить, Николай Степанович умел одинаково талантливо и поучать, и учить. Память об отце всегда будет важной для Льва Николаевича. И это не только личные чувства. Всё аукнулось и в его лучших книгах, в которых нетрудно встретить цитаты из стихов отца. И прямые, и скрытые.

Если верить воспоминаниям поэтессы Ирины Одоевцевой, уже после расставания с Ахматовой, Николай Гумилев говорил: «Лёвушка весь в меня. Не только лицом, но такой же смелый, самолюбивый, как я в детстве. Всегда хочет, чтобы ему завидовали». В подтверждение сказанного Николай Степанович приводил такой факт. Они с сыном ехали на трамвае, и тот радовался, глядя прохожих за окном: «Папа, ведь они все завидуют мне, правда? Они идут, а я еду!...»

Сын и картавил, подобно отцу. И литературные способности стал проявлять бурно и рано. Правда, о писательской или поэтической славе не думал: считал, что сын таких родителей большим поэтом или новеллистом стать не сможет. Другое дело – ученым. Так он думал до конца своих дней, уделяя собственным стихам и прозе меньше внимания, чем они заслуживали. Правда, в его научных трудах всегда проглядывал незаурядный литературный талант! Он умел и композиционно выстраивать свои трактаты, и держать в напряжении читателя, и привлекать изящной русской речью. А главное – обладал тонким и взыскательным пониманием литературы, которая в годы тяжких испытаний помогла ему выстоять в лагерях...

Жил мальчик, главным образом, в городе Бежецке, на воспитании бабушки со стороны отца, Анны Ивановны. «Конечно, я узнал о гибели отца сразу: очень плакала моя бабушка и такое было беспокойство дома. Прямо мне ничего не говорили, но через какое-то короткое время из отрывочных, скрываемых от меня разговоров я обо всем догадался. И конечно, смерть отца повлияла на меня сильно, как на каждого влияет смерть близкого человека. Бабушка и моя мама были уверены в нелепости предъявленных отцу обвинений. И его безвинная гибель, как я почувствовал позже, делала их горе безутешным. Заговора не было, и уже поэтому отец участвовать в нем не мог. Да и на заговорщицкую деятельность у него просто не было времени. Но следовательно – им был

Якобсон — об этом не хотел и думать...», — вспоминал Лев Николаевич о трагическом 1921-м годе.

С мамой и бабушкой

После гибели отца его даже пыталась усыновить Лариса Рейснер — бывшая возлюбленная Николая Гумилёва и, по иронии судьбы, ставшая прообразом Комиссара в известной пьесе Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия». Предлагала усыновление и тетка Александра Степановна Сверчкова, собиравшаяся дать племяннику свою фа-

милию, ибо носить фамилию осужденного небезопасно. Но он остался Гумилевым. И все большую роль в его жизни стала играть мать.

«К маме я приехал уже позже, когда мне было 17 лет (это был 1929 год), и кончил школу уже в Ленинграде. Но жить мне, надо сказать, в этой квартире, которая принадлежала Пунину, сотруднику Русского музея, было довольно скверно, потому что ночевал я в коридоре, на сундуках. Коридор не отапливался, был холодный. А мама уделяла мне внимание только для того, чтобы заниматься со мной французским языком. Но при ее антипедагогических способностях я очень трудно это воспринимал и доучил французский язык, уже когда поступил в университет», — снова мы обращаемся к воспоминаниям Льва Николаевича.

Осип Мандельштам говорил о нем Ахматовой: «Вам будет трудно его уберечь, в нем есть ГИБЕЛЬНОСТЬ». Потом в этом видели пророчество.

Отношения матери и сына никогда не были безоблачными. О встрече с Ахматовой в Москве после второго лагерного срока Гумилев вспоминал, не скрывая обиды: «Она встретила меня очень холодно. Она отправила меня в Ленинград, а сама осталась в Москве, чтобы, очевидно, не прописывать меня. <...> Я приписываю это изменение влиянию ее окружения, которое создалось за время моего отсутствия, а именно ее новым знакомым и друзьям: Зильберману, Ардову и его семье, Эмме Григорьевне Герштейн, писателю Липкину

и многим другим, имена которых я даже теперь не вспомню, но которые ко мне, конечно, положительно не относились». Здесь он эмоционален, необъективен. Лев Николаевич и сам держался с этой публикой конфликтно. Это объяснимо: судьба его смолоду не баловала.

Николай Степанович Гумилев

Лидия Чуковская сетовала: «Вернувшись, я отправилась

с докладом к Нине Антоновне, и она рассказала мне горькие вещи. Я, конечно, давно уже чувствовала, что между Лёвой и Анной Андреевной неладно, — однако чувствовать или услышать — большая разница. То, что сказано было мне в больнице Анной Андреевной, теперь вполне подтвердила Нина. Лёва и в самом деле верит, будто он пробыл в лагере так долго из-за равнодушия и бездействия Анны Андреевны.

Я — многолетняя свидетельница ее упорных, неотступных хлопот, ее борьбы за него. Больше, чем хлопот, то есть писем, заявлений, ходатайств через посредство влиятельных лиц. Всю свою жизнь она подчинила Лёвиной каторге, всё, даже на такое унижение пошла, как стихи в честь Сталина, как ответ английским студентам. И от драгоценнейшей для себя встречи отказалась, боясь повредить ему. И сотни строк перевела, чтобы заработать на посылки ему, сотни строк переводов, истребляющих собственные стихи.

А Лёва, воротившись, ее же и винит!.. Но, подумала я, искалечен он не только лагерем: и юностью, и детством. Между родителями — разлад. Отец расстрелян. Нищета. Отчим. Он — обожаемый внук, единственный и любимый сын, но оба родителя вечно были заняты более своею междоусобицей, чем им; мать — «...измученная славой, / Любовью, жизнью, клеветой», — не это ли давнее, болезненное детское чувство своей непервостепенности он теперь вымещает на ней?

Затравлен он, одинокий сын всемирно знаменитых родителей, но бедная, бедная, бедная Анна Андреевна... По сло-

вам Нины Антоновны, Ира и Лёва ненавидят друг друга. То же хорошо! Вот откуда инфаркты. Вот отчего Анна Андреевна постоянно стремится в Москву. Никакое постановление ЦК не властно с такой непоправимостью перегрызать сердечную мышцу, как грызня между близкими. Нина Антоновна пыталась урезонить Лёву (в Ленинграде, без ведома Анны Андреевны, говорила с ним), но тщетно. Он заявил: «Ноги моей не будет у матери в доме». Ну хорошо, в доме. А в больнице? Да и есть ли у его матери дом?

Где ее дом и где его рассудок?»

Это еще одно сугубо субъективное мнение. В реальности, он, как мало кто другой, понимал творческие глубины Анны Ахматовой. И это было главным. Это выше всех обид.

У Николая Гумилева есть строки: «Я вежлив с жизнью современной, но между нами есть преграда...» Эти слова, вероятно, мог бы написать на своем щите рыцарь Лев Гумилев. Он с головой уходил в свои труды – творческие, научные. И считал (не без оснований), что эти материи гораздо ближе к истинной реальности, чем газетный сегодняшний день, в котором все зыбко и переменчиво.

Его называют великим евразийцем. Гумилев не представлял России без Востока, без великих кочевых цивилизаций древности. Многое из того, что ему приходилось отстаивать «с кровью», сегодня стало азбучной истиной. И действительно – Россия евразийская держава. Сегодня такие его книги, как «Этногенез и биосфера Земли», «Древняя Руси и Вели-

кая Степь», «История народа Хунну» – это классика, с которой спорят, на которую опираются. Но главное – эти книги перечитывают.

С какой благодарностью относились и относятся к Гумилеву на Востоке! Это подтверждает простую закономерность: в Азии Россию ждут, ждут от нас ответного интереса. В отличие от Европы, которая всегда смотрела на Москву, да и на Петербург свысока. Поворот к Азии неминуем. И он не может быть только экономическим. Без взаимного культурного интереса крепкого сотрудничества не построить. Именно поэтому сегодня так актуален Гумилев. Такого дерзкого, эрудированного и яркого историк у нас не было.

К счастью, он успел увидеть успех своих книг, когда их стали издавать не мизерными тиражами, когда его мнение интересовало, без преувеличений, миллионы людей. В 1992 году, на 80-м году жизни, великого историка не стало. Кажется, что он прожил три или четыре жизни – в вечном поиске, так велико наследие Льва Николаевич Гумилева. Эта книга поможет прикоснуться к нему в том числе и тех, кому еще только предстоит подробное знакомство с творчеством исследователя.

*Сергей Алдонин,
кандидат исторических наук*

Чего стоит мудрость

Во всем его облике явственно проступают черты отца – известного поэта. А глубоким, хорошо поставленным голосом, неторопливостью речи, ироничностью и точностью суждений, частой несговорчивостью с собеседником он во многом напоминает мать. Такой, по крайней мере, видится Анна Андреевна Ахматова в воспоминаниях современников. Старая фотография родителей висит справа от рабочего стола научного сотрудника НИИ географии Ленинградского университета Льва Николаевича Гумилева. Впрочем, он говорит о своих знаменитых родителях неохотно, категорически прерывая любые намеки на подобную тему. Но наша беседа совсем о другом. У Льва Николаевича Гумилева за плечами долгая трудная жизнь, встречи с людьми, книгами... И еще – множество жизненных наблюдений, огромный (подчас горький!) опыт ученого и человека. Я рада, что наш разговор происходил у профессора дома. Ведь именно так возникает особая доброжелательная атмосфера, без которой немыслима доверительная, искренняя беседа.

– Лев Николаевич, сейчас много говорят об ослаблении научного потенциала гуманитарных знаний. Между тем нехватка широко образованных людей все более очевидна. Недостаток их на всех уровнях научной, государственной, партийной иерархии приводит к непоправимым ошибкам,

за которые многим приходится расплачиваться. Бесспорно, высокообразованные люди необходимы любому коллективу профессионалов. Что, на ваш взгляд, включает понятие «образованный человек»?

– Не надо, забывать, что образованность не может быть безграничной, и в каждой культуре это понятие разное. Я встречал «китайски», «персидски», «европейски» образованных людей. Для китайца быть образованным человеком – это уметь писать иероглифами, красивым почерком сочинения Конфуция, а также знать три классических романа – «Сон в красном тереме», «Троецарствие» и «Речные заводи». У древних греков образованность заключалась в умении произносить речи публично. Самыми образованными среди них были риторы или софисты. Подобные представления бытовали в Риме. У европейцев понятие «образованность» включает сейчас главным образом знание естественных наук. Но так: было не всегда, еще сто-двести лет назад большим приоритетом пользовались история и филология. Это относится, к примеру, ко времени Александра Дюма, широко образованного человека своего времени. Определение «образованного человека» в свое время подсказала мне мама. По ее словам, оно включает в первую очередь твердое знание того, чему обучают в средней школе, иными словами – знание программы. Затем – хорошее знание своей специальности: геологии, математики или истории... И, в-третьих, представление о литературе и, мысли хотя бы своей страны сравнительно с другими странами.

– В какой степени соотносятся понятия – «образован-

ность» и «интеллигентность»?

– На мой взгляд, образованность выше интеллигентности. Последнее – чисто русское понятие, его ввел в 60-е годы прошлого века литератор Боборыкин. Интеллигентами считались люди, болеющие за народ, при этом зачастую весьма полуобразованные. Множество, русских ученых XIX века интеллигентами себя не считали, но сколько они сделали для науки! Во второй половине прошлого века совершались великие путешествия Пржевальского, Козлова, Грумм-Гржимайло. Мы открыли целую страну – Центральную Азию, ставшую мостом между Европой и Китаем. Русские ученые вывели нашу науку в вопросе изучения внутренней Азии на первое место. При этом Пржевальский был офицер – и очень грубый. Козлов – тоже офицер. В семье Грумм-Гржимайло один – металлург, другой – морской офицер, третий – географ, занявшийся историей. Они были образованными людьми, но считать интеллигентами их в том смысле слова, которое придавалось ему в XIX веке, нельзя.

– В какой степени знание иностранных языков необходимо современному образованному человеку? Какими языками владеете вы сами?

– В настоящее время в принципе можно обходиться без знания иностранных языков, так как обилие квалифицированных переводов снимает необходимость изучения языков. Более того, в наше время попросту не хватает времени для изучения переводной литературы! В мое время переводов

было мало. Так как в студенчестве, я заинтересовался историей азиатских кочевников, то первый язык, который я выучил, был французский. Французский я изучал и в университете, для практики разговаривал с мамой... Потом я выучил английский и таджикский. Когда я был в экспедиции в Таджикистане, я научился очень бодро болтать по-таджикски. Позже я освоил немецкий. Правда, встречаясь с немецкими коллегами, я говорю с ними все-таки по-французски.

— Мы много говорим о перегруженности современного языка науки. Конечно, без специальной терминологии язык науки не может существовать, но произошла, на мой взгляд, утрата способности к популяризации научных знаний. А ведь ученые прошлого были прекрасными популяризаторами. Как вы относитесь к этой проблеме?

— Расскажу историю, которой я был свидетелем. Она произошла у нас на факультете. Один геолог делал доклад для ученого совета о своих научных идеях. Доклад был перегружен таким большим количеством терминов, что... просто никто ничего не понял. Геологу предложили через две недели изложить то же самое, но чтобы было понятно ученому совету. На этом втором заседании я присутствовал. И опять никто ничего не понял, несмотря на то что доклад был заметно облегчен. Тогда, всплеснув руками, он сказал: «Я не могу без научной терминологии. Что же мне делать?». Я попросил слова: «Нет такой научной идеи, — сказал я, — которую нельзя было бы изложить обыкновенным разговорные

русским языком – тем, что назывался в восемнадцатом веке «забавным русским словом». И в самом деле, наука не может обходиться без специальных терминов. Но означает ли это, что термин становится преградой к овладению знаниями? Вовсе нет! Я излагаю студентам абсолютно новую теорию – этногенеза. Естественно, я пользуюсь терминами. В частности, термин «пассионарность» проходит через весь курс, и они его запоминают. Словам «системный подход» я посвящаю вторую лекцию, несмотря на то что они более понятны. И третий термин «этносы» широко известен. Его знал еще Гомер, а в славянском языке он существовал как «языцы». И весь мой курс ограничен этими тремя терминами. Все остальное – беллетристика. Умению интересно излагать курс я придаю большое значение. Убежден: если человеку скучно, он не станет слушать. А если будет заставлять себя, то все равно ничего не запомнит. Поэтому студентам надо рассказывать так, чтобы им было интересно.

– Лев Николаевич, сейчас в нашей беседе мы подошли ко второй ее части – непосредственной теме вашего курса. Знаю, что на ваши лекции ходит, как правило, больше желающих, чем может вместить аудитория. И я хочу, пользуясь случаем, попросить вас изложить вашу теорию поподробнее.

– Почему в одних странах бывает расцвет культуры, письменности, образования, а в другие эпохи он куда-то исчезает? (Как в Исландии, где сейчас нет неграмотных, но нет и

крупных ученых, а там же в XII веке были записаны саги мирового значения). Это явление обратило мое внимание, когда я был еще студентом. Я понял, что развитие каждого народа должно чем-то измеряться. Но измерять его количеством произведений искусства и литературы неверно, так как их создают не народы, а отдельные люди, исключения. Изучая историю народов, надо перейти к палеоэтнографии. Смотреть, как ведет себя весь народ. Мы здесь должны рассматривать не индивидуальности на фоне толпы, а систему из людей разного сорта. Как их делить? И так возникла моя идея, основанная на общем историческом материале. Я вдруг задумался: почему Александр Македонский пошел воевать в Среднюю Азию и в Индию, куда ходить было опасно и незачем? Он повел за собой войско, и войско пошло за ним, пока в Бенгалии они не попали в окружение и им всем грозила смерть. Тогда войско потребовало отступления, уговорило царя, и он подчинился войску. За такого царя воины готовы были отдать жизни – и отдавали! В чем тут дело? Почему он лез и почему его слушались? Но есть и другие примеры. Цезарь и Сулла могли увлечь легионы на гражданские войны. Значит, и здесь имеет место некая система...

– *Может быть, сила личного примера?*

– Сила личного примера не действует в аналогичных ситуациях, если окружение иное. Например, когда турки брали Константинополь император Константин Палеолог силой личного примера попытался увлечь греков на защиту ворот.

Греки разбежались, а император погиб. Что гнало испанцев на Филиппины и в Америку в XV веке, когда Колумб открыл Америку? Они теряли в среднем 80 процентов личного состава – от болезней, голода, от сражения с туземцами. А 20 процентов возвращались, как правило, больными.

Тем не менее, сто лет они ездили. А наши землепроходцы прошли от Великого Устюга до Охотского моря. Они шли через Таймыр северным путем и южным – в обход тайги – через Красноярск и Иркутск с боями. Переходы были жуткие... В эпоху XV–XVI веков корсары бороздили просторы Тихого океана, а в XIX веке их потомки стали клерками. В чем тут дело?

И тут, я нашел одно слово – сила страсти – «пассионарность». Когда человек действует и не может не действовать вопреки, инстинкту самосохранения, который существует в каждом из нас. Но антиинстинкт – пассионарность – влечет человека к целям, часто иллюзорным. И действительность приносится в жертву иллюзии. Полезно это или не полезно? Вопрос неуместный и некорректный. Это явление природное, а природа, как известно, не знает ни вреда, ни пользы, ни добра, ни зла. На помощь мне пришел В. Вернадский, великий русский ученый, который открыл тот вид энергии, который заставляет людей совершать поступки внешне бессмысленные – это биохимическая энергия живого вещества, биосферы. Она имеется во всех организмах. Вернадский открыл ее на саранче. Он создал понятие биосферы – особой

оболочки Земли, в которой действует биохимическая энергия живого вещества. Положения Вернадского легли в основу теории этногенеза. Я применил эту теорию к уже известному мне материалу. Появление пассионарности мы можем рассматривать как мутацию, которая время от времени настигает живые организмы. (По-латыни «мутация» – «толчок»). Маленькие организмы, как вирусы гриппа, мутируют каждый год. Для людей нужен большой толчок, чтобы хотя бы изменить их стереотип поведения – систему взаимодействия нервной и гормональной системы. Пассионарии появляются на длинных полосках земли шириной от 300 до 500 километров, идущих меридиально, широтно или как попало. Время действия толчка, включая инерцию, – около 1200–1500 лет. На глобусе всегда можно указать, где прошел пассионарный толчок и в какое время. В частности, тот толчок, который поднял древних славян в первом веке нашей эры, шел от Южной Швеции, где он поднял готов, затем через Карпаты, в результате чего сложилось славянское единство, затем – через Дакию (современную Румынию), через Малую Азию, Палестину где возникло два очень могучих учения, исключаящих друг друга, – христианство и талмудический иудаизм. Затем этот толчок дошел до Абиссинии и далее, не прослеживается. Каждый толчок создает популяцию пассионариев, которые в зависимости от географических условий создают ту или иную этническую целостность. Как известно, мутации происходят по двум причинам: или от изменения

химического состава среды, или от жесткого облучения. Понятно, что на таком пространстве, как от Аравии до Японии, одинаково измениться химический состав среды не может. Остается жесткое облучение, которое и влияет на живые организмы.

– *Есть ли предел напряжения пассионарности?*

– Да, оно ослабевает. При угасании свободная энергия выделяется не в свершения, а туда, где нет риска, – занятия искусством, науку. То, что мы называем эпохой Возрождения, по существу – утрата пассионарности. Затем энергия еще снижается и довольно долго существует на обывательском уровне. Затем возникает равенство между пассионарным импульсом и импульсом самосохранения, и тогда появляются субпассионарии, которые живут моментом. Их инстинкты никем не обузываются. Самый нижний уровень у тех, кто заботится о том, чтобы поесть и отдохнуть. Такой народ живет на Андаманских островах. А ведь когда-то их предки приплыли на эту землю, миновав бурный Индийский океан, их потомков пассионарность покинула...

– *Лев Николаевич, вы специалист по древней культуре. Что на ваш взгляд, выносит современный человек, современная культура из общения с прошлым?*

– Культура человека прямо пропорциональна знанию прошлого. В каждой эпохе есть свои достоинства и свои недостатки. Эпохи глубокого упадка эстетически неинтересны. Но я ими занимаюсь, как врач, который учится лечить и ле-

чит больных, не интересуясь здоровыми людьми. Я написал монографию о гибели древнего Китая, которая называется «Хунны в Китае». Тогда погибли и захватчики, и защитники, и возник новый Китай. Я писал о гибели Золотой Орды и древней Руси, на месте которой появилась новая великая Россия. История – это постоянная смена жизни через порог смерти. Практическое значение этнологии так же велико, как значение климатологии, сейсмографии. Мы не можем предотвратить циклона или цунами, наводнения или засухи, но можем их предсказать и принять меры.

Вот такой вышел у нас со Львом Николаевичем Гумилевым разговор. Я на берусь, не возьму на себя такой смелости – спорить с его теорией. Пусть ее принимают или опровергают специалисты, те из них, для кого спор с научной гипотезой означает прежде всего внимание к мнению собеседника, уважение к образованности оппонента, а не потрафлена собственному большому самолюбию и не принесена готовности выслушать и понять новое в жертву догмам косности. Но сейчас я хочу сказать о другом. Вспоминается стихотворение А. Тарковского «Вещи». Помните? «Все меньше тех вещей, среди которых я в детства жил, на свете остается...» Дефицит этих «вещей» мы ощущаем и ныне: дефицит образованности, воспитанности, доброты...

Ленинград, ноябрь 1981 г.

*Опубликовано в газете Ленинградского
государственного университета
в номере от 20 ноября 1987 года*

«О людях, на нас непохожих»

Интервью Льва Гумилева газете «Советская культура»

Есть фотография: Анна Андреевна Ахматова с мужем Николаем Степановичем Гумилевым (он в форме – идет первая мировая война) и сыном Львом. «Ах! улыбчивого птенчика подарила мне судьба», – писала она тремя годами раньше, в октябре 1912-го.

... В 1921 году Николай Степанович будет расстрелян по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре. Его поэзия вернется к читателю только в конце восьмидесятых. Анна Андреевна... впрочем, о творчестве и жизни великого русского поэта известно достаточно. В том числе и об оскорблении ее в докладе А. Жданова и в постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 года, которое, увы, до сих не отменено и прилежно изучается студентами. Упомянуть об этом необходимо, поскольку судьба сына вопреки известной формуле «сын за отца не отвечает» оказалась прямой зависимостью от родительской: Льву Николаевичу пришлось отвечать в тридцатых за отца (Беломорканал, Норильск), в пятидесятых – за мать. «Между» – было участие в боях Великой Отечественной, после Победы – окончание университета, диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. После реа-

билитации – работа на географическом факультете Ленинградского государственного университета (кстати, носящего имя А. Жданова), ученое звание доктора исторических наук. «Степная трилогия» Л. Н. Гумилева, охватывающая полтора тысячелетия жизни народов от Амура до Дуная, известна не только специалистам – этнографам, востоковедам, историкам. Опубликованы десятки статей, книги издаются и за рубежом. И все же «Известия» недавно справедливо написали об этом человеке: «С одной стороны, весьма известный, а с другой, как ни странно, мало кому из широкой публики знакомый».

Лев Николаевич Гумилев

Область научных интересов Л. Н. Гумилева – этнология – наука, совместившая географию, биологию, историю и психологию. Его труд «Этногенез и биосфера Земли», в соответствии с решением Ученого совета ЛГУ от 30 октября 1978 года, был отпечатан тиражом в один экземпляр и депонирован во Всесоюзный институт научной и технической информации (ВИНИТИ). С тех пор с этого трехтомного трактата снята не одна тысяча копий, и вот в будущем году планируется выпуск книги. Другая работа Л. Н. Гумилева – «Древняя Русь и Великая степь» – готовится к печати в Москве, в издательстве «Мысль».

Елена Сеславина

Когда я начинал заниматься наукой, – говорит Лев Николаевич, – обратился к древним контактам народов, тюркам, монголам. Казалось, эта проблематика вдали от современных проблем. И вдруг национальные отношения история межнациональных связей – вдруг – все это оказалось в центре всех интересов.

Да, проблема межнациональных отношений, которая недавно не вполне осознавалась как проблема, все чаще привлекает наше внимание. В одном из недавних партийных документов сдержанно говорится о «многолетнем невнимании» к ней. Предмет нашего разговора – не плоды этого

невнимания, они известны, но сегодняшнее состояние теории, потребность в которой так велика, если мы хотим лучше знать друг друга.

Этнография – наука описательная. Она собирает материалы о людях, на нас не похожих. Еще в Древнем Египте семиты изображались белыми, негры черными, египтяне желтыми, ливийцы красно-коричневыми. Потом греки обнаружили куда большее число людей, на себя не похожих, и назвали их «этноты»: это слово означает «порода». Славянский эквивалент «языцы». Вне этноса нет ни одного человека на земле, и каждый – я сейчас цитирую собственную книгу – на вопрос «Кто ты?» ответит: «русский», «француз», «перс», «масаи» и т. д., не задумавшись ни на минуту. Почему он именно таков, человек объяснить не может. Дело даже не в родителях. Пушкин, как известно, происходил от эфиопов по отцовской линии, и это не помешало ему быть русским человеком.

В Эфиопии есть памятник национальному поэту Пушкину...

Да. Американские негры тоже, издавая Пушкина на английском языке, считали его «национальным поэтом». Но это курьез...

Так вот, даже в лагере, где все мы были одинаково плохо одеты, спали в одних и тех же бараках, питались одинаковой баландой, никто не путался. Меня там спросили об одном человеке (мать у него русская, отец китаец): Вы считаете его

за своего? Я ответил: да. Почему? Стихи читает по-нашему, ругается по-нашему, ведет себя по-нашему. Совпадает стереотип поведения, именно это и есть определяющий динамический признак этноса.

Англичанин тот; кто ведет себя по-английски, а ирокез тот, кто по-ирокезски. Специально научиться этому нельзя, все «впитывается» с детства, и происхождение ни при чем – ведь если даже ребенок не знает отца и матери, это не мешает ему принадлежать к тому, или иному этносу. Внутри этноса есть субэтносы...

Вы полагаете, главное – стереотип поведения, я не язык? Сейчас в печати особенно республиканской, идут такие яростные споры о национальном языке, как «стержне» нации, о его роли в развитии культуры.

Это очень важный компонент, но не решающий, как и происхождение. Язык можно выучить. Моя мама, например, до шести лет не знала русского языка. «Папа растратил мое приданое», – объясняла бабушка (по-французски), готовя маму в гувернантки. И только когда ее стали отпускать на улицу играть в лапту с другими девочками, она выучила русский... Писала-то стихи она по-русски. А немецкие ее подруги, кстати, говорили примерно так: штеллен зи ди банка мит варенье ауф дем полка, – и при этом оставались настоящими немками.

Однако нация на протяжении своей истории не остается неизменной... Меняются ли стереотипы?

Да, есть определенный промежуток времени, в течение которого живет любой этнос. Он эмпирически подсчитан – 1200 (1500) лет. И, говоря об этносе, мы должны учитывать не только его географическое положение, не только культурные традиции, но и его возраст.

Можно сравнить его с человеческим. Младенец почти беззащитен, но имеет огромную потенцию, которая позволяет ему развиваться, учиться, становиться на ноги. Обижать ребенка грешно, надо дать ему возможность вырасти. Затем, через некоторое время – фаза подъема, – этнос становится очень активным, агрессивным. Таков Древний Рим времен ранней республики, такова Византия первых веков нашей эры. Время идет, наступает «перегрев» – как у молодых людей, которые испытывают такое внутреннее давление накопленной ими энергии, что совершают ряд поступков, продиктованных не только и не столько необходимостью, сколько наличием избыточной энергии.

Что это за энергия, спросите вы? Она описана В. И. Вернадским как энергия живого вещества биосферы, по природе своей биохимическая. Она есть в каждом организме и в системе организмов, в этносах, их скоплениях, суперэтносах, которые мы называем культурами – греко-римская культура, персидская культура и так далее.

С течением времени расход энергии начинает превышать ее поступление: ведущим становится тип обывателя, исполнительного, честного, послушного, но малотворческого. Лю-

ди энергичные, пассионарии (пассионарность – это стремление, способность человека к изменению окружающего мира) становятся художниками, писателями, полководцами, основателями сект, конкистадорами, честолюбцами, словом, работают на будущее, в какой-то мере жертвуя своим реальным бытием. Планше и Бонасье вытесняют д'Артаньянов и Атосов. Кстати, во Франции XVIII века рыцарей (которых было несколько тысяч) сменили мушкетеры (которых было всего 102 человека). Остальные предпочитали не рисковать. Потребители – балласт, который разъедает любую систему. Приходит упадок – не государства, оно сложилось, но этноса, у которого нет больше энергии для развития, инициативы. Системы создаются веками...

А как, с Вашей точки зрения, развивалась наша система, Россия?

Примерно она сложилась к XIV веку. Так что мы прожили меньше половины нашего возраста и у нас есть все шансы прожить и другую половину, если мы будем мудры и не растеряем те культурные ценности, традиции, ту информацию, которая «подняла» систему, которая ее держит, и утрата которой довольно скоро приведет к дезорганизации. А накоплено было, в частности – придерживаясь нашей темы – умение обращаться с соседями с уважением, так, что мы привязывали их к себе, склоняли их симпатии на свою сторону. Это наше великое достижение за шестьсот лет. Известно, что империя – «тюрьма народов», однако, видимо, империя им-

перией, а русский народ – народом. Во всяком случае, когда около Петропавловска англичане в 1856 г. высадили десант, камчадалы отражали его вместе с русскими. Когда в Севастополе высадился англо-франко-турецкий корпус, то татары не поддерживали их. Когда шла гражданская война, Средняя Азия вполне имела возможность отделиться от России, потому что обе железные дороги, соединявшие юг страны с Москвой, были перерезаны: одна – Дутовым, другая – мусаватистами в Азербайджане. Однако даже попытки такой не было сделано. Знаете, я там был в 1932 году, ходил босой, в белом халате и чалме, разговаривал на плохом таджикском языке, который тут же и выучивал, и никто никогда меня не обидел. Можно, конечно, найти и факты другого ряда, но и то, о чем я говорю, – факты.

Да, факты, которые Вы приводите, не из привычного ряда. Теперь все чаще вспоминают взаимные обиды, старые счеты, войны, «делят» героев и деятелей культуры. Особенно много внимания – и часты претензии – в адрес самого многочисленного народа, русского.

К большому сожалению, не всегда беспочвенные. Вот, пожалуйста, в любом учебнике татарское иго представлено как варварское нашествие. С точки зрения военной, бытовой, оно, вероятно, таковым и воспринималось, и так и запечатлелось в памяти поколения. Но вот что интересно. Достаточно проехать по Золотому кольцу Москвы, побывать во Владимире, Суздале, Переславле, чтобы убедиться, какое коли-

чество памятников сохранилось от домонгольского времени. Так всегда ли правомерно говорить о повсеместном уничтожении монголами русской культуры? Лучше изучить предмет, чем выдумывать.

И не надо людей незаслуженно – я подчеркиваю это – обижать, тогда они не будут обижаться. Ведь это факт, что некоторые странички книги В. Чивилихина «Память» вызвали негативное отношение казахской интеллигенции. Казахи примкнули к России в XVIII веке добровольно, жили, пользуясь теми правами, которые были оговорены. И вдруг их обвиняют в том, что они оскорбили русскую землю! Они-то свою историю знают: Белая Орда никогда не достигала России. Другой пример – Чингисхан. Этот жестокий средневековый деспот просто пугало в нашей литературе. Монголы были союзниками России, в 1912 году, отделившись от Китая, они вошли в контакт с Россией. Чингисхан для них святыня...

Кстати, недавно была заметка в печати о том, что в МНР (Монгольской Народной Республике) снимается фильм о Чингисхане.

Впрочем, справедливости ради должен сказать, что есть авторы, которые не жалеют труда, чтобы изучить историю тех стран, о которых пишут. Роман Исаия Калашникова «Жестокий век» об эпохе Чингисхана написан человеком, не только талантливым, но и эрудированным.

Нужен такт, нужно знание. Как-то один из наших дипло-

матов меня удивил, сказав: а почему мы должны думать о чувствах? Я ответил: я патриот и не хочу, чтобы отношение к моей Родине складывалось на основе поверхностных сочинений. И ведь пишется-то подобное не из каких-нибудь дальновидных идеологических, экономических или политических соображений, а исключительно из неглубокого знания и безответственности.

Умение сосуществовать, уважая отличие другого народа от твоего, считаясь с этим, очевидно, одинаково необходимо и большому, многочисленному, и малому народу?

Вопрос о контактах всегда актуален, ведь этническая монолитность встречается редко.

Если один этнос сильно пассионарен, другой – слабо, они могут жить рядом, не мешая друг другу. Сильные довольствуются тем, что владеют территорией, но не мешают жить слабым так, как они умеют и любят. Такой тип сосуществования называется симбиозом.

Иногда бывает, что, сильный этнос образует колонии на территории другого, тоже сильного. Такие колонии в прошлом в России устраивали немцы – в Поволжье, Петербурге; можно вспомнить и московский Кукуй... Колонисты живут изолированно от местного населения, общаются с ним «на равных» по мере надобности. Самое правильное название для них «ксения», от греческого «ксенос», гость.

Очень страшно бывает, когда один этнос подчиняет себе другой и начинает перекраивать его на свой лад. Это метод

неплодотворный.

Нельзя стремиться сделать всех людей подобными себе, нужно учиться жить с ними в симбиозе, оказывать им взаимные услуги, вообще обращаться деликатно, и тем самым создавать дружбу народов – лучшее, что придумано в этом вопросе за все тысячелетия существования человечества.

Для этого, помимо всего прочего, надо очень хорошо знать друг друга. А мы знаем?

Скорее наоборот. Вот я принимаю зачет. Студентка хорошенькая, накрашенная – просит задать самый легкий вопрос.

– Кто живет во Франции? – спрашиваю я.

– Французы и евреи.

Я говорю – верно, но недостаточно.

– А кто живет в Бразилии?

– Бразильцы и евреи.

– А в Новой Гвинее?

– Новогвинейцы и евреи.

Я говорю – идите, подучите.

Следом студент. Спрашиваю реки Франции.

– Лаура (!), – отвечает он.

– А куда впадает?

– В Бискайский залив.

– А где Гаронна?

– Севернее...

Реакция профессора ясна.

Если бы изучали хорошенько хотя бы то, что есть в учебниках, я был бы доволен. Но ведь и этого нет. Правда, не только у нас (слабое утешение)... В 30-х годах прошлого века французский историк Огюстен Тьерри с болью писал, как искажают историю Франции. Начинают ее чуть ли не с друидов, которые никакого отношения к французам не имеют. И первая, и вторая королевские династии были германцы. Франция как государство началась с образования династии Гуго Капета, а как народ – с Верденской клятвы. К этому этносу не относились ни Прованс, ни Аквитания, ни Бретань. Об этом писалось полторы сотни лет назад, и вот у меня новая французская книжка с теми же ошибками... Что сделаешь!

В науке существует единственная борьба – борьба между знанием и невежеством, причем последнее часто побеждает. Тем не менее, долг ученых – носителей знания – бороться с научными сотрудниками – носителями невежества.

Насколько я знаю, на Вашу долю борьбы выпало с лихвой.

Не стоит драматизировать. В годы застоя кафедра экономической и социальной географии геофака ЛГУ была для меня «экологической нишей», меня не гнали с работы, была возможность писать, хотя с 1975 года и не печатали.

Знаете, очень большое значение в любом деле, тем более в науке, имеет способность принимать разумные решения. Например, у нас в ЛГУ ректоры, включая покойного М. Е. Лазуркина, и покойного А. А. Вознесенского, и А. Д. Алек-

сандрова, были люди толковые, они вникали во все университетские дела и давали распоряжения исполнимые и дельные. И вдруг прислали из Технологического института химика В. Б. Алесковского. О том, какой он ученый, можно судить хотя бы по тому, что лекции свои по химии он читал на физическом факультете, потому что на химическом очень немногие посещали его занятия. Что он делал, будучи ректором? Назначал и смещал деканов по своему усмотрению, давая на ученый совет (говорю только о том, что знаю лично). Перевел географический факультет из удобного здания близ Смольного (бывший институт для небогатых девиц) в более тесное помещение на Васильевский остров, в прошлом – Бестужевские курсы. Главное, пришлось перевозить лаборатории, приборы, которые стояли на бетонных основаниях. Они перестали работать. Дело разваливалось. Мой друг, который руководил лабораторией картографии, умер, не пережив этого переезда.

Я имел дело с Алесковским по поводу издания книги «Этногенез и биосфера Земли», так как ВИНТИ обратился с просьбой исполнить закон: в том случае, если потребность в труде превышает возможности ксерокопирования (а с рукописи было сделано около двадцати тысяч копий), надо издавать книгу. В ответ ректор предложил совсем выкинуть работу из планов. Собственно, многие из вопросов, которые я поднимаю, в этой беседе, могли бы быть поставлены раньше, если бы книга лежала на столе. Может, и в самом разговоре

не было бы нужды.

К счастью, он уже не является ректором, а книга планируется на будущий год.

В ней, по сути дела, изложены основы этнологии, теория. Но есть вопросы, которые нужно безотлагательно решать. Если говорить о новом мышлении, применительно к национальному вопросу, то оно, видимо, возможно только на основе научных рекомендаций. Многонациональные коллективы, поселения, смешанные семьи, миграции то и дело подкидывают неожиданности, с которыми мы вынуждены считаться, пытаться их исправлять «задним числом». Видимо, нужны прикладные исследования.

Мало, но они ведутся. Например, Константин Павлович Иванов, мой ученик, исследовал связь между миграциями людей и состоянием животноводства в Архангельской области. Цепочка – очень грубо – получилась такая: русские как этнос связаны с пойменными ландшафтами. Сочной травой, которую они скашивают, кормят коров. А коров надо доить. Традиционно этим занимались женщины. Но женщины теперь все чаще уезжают в город учиться, заводят там семьи и не возвращаются. Вот так уменьшается и количество коров...

Где же теперь это исследование?

Было отдано Архангельскому облисполкому. Иванову даже дали премию.

Интересно, изменилось что-нибудь?

Не интересовался. Каждый должен квалифицированно заниматься своим делом. Ученый показал причину, а уж меры принимать... Сейчас Константин Павлович поехал на Ямал изучать самодийцев и хантов, даже опубликовал большую статью в «Литературной газете», где писал, что не нужно брать песок для большого строительства из реки, рыбой которой питаются ханты...

Если говорить об экологических проблемах, этот пример, увы, не самый впечатляющий.

Он достаточно характерно показывает связь этноса с ландшафтом. Состояние ландшафта – чуткий барометр этнического климата. «До сих пор пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга». Это Маркс и Энгельс. Народ живет в двух измерениях: пространство – ландшафт и время – накопленная традиция. Многие наши экологические беды от того, что какие-нибудь ведомственные начальники – а их много разных! – не желают считаться ни с тем, ни с другим. Приезжают, командуют: делай иначе, потому что мы в нашем руководящем центре делаем иначе! Коренное население «иначе» умеет плохо, ландшафт к этому не приспособлен, и, разорив все, до чего дотянутся, начальник отбывает, а народ страдает.

Страшную вещь сотворили с потомками древних согдийцев, жившими в отрогах Гиссара, вскоре после войны их волевым решением переселили на равнину сеять хлопчатник.

Народ вымер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.